

Есть в коллекции Николы Ивановича Анова снимок, сделанный писателем полвека назад. На снимке молодой казахский джигит в национальной меховой шапке. Фото потускнело от времени. Но всмотришься в него, — и не можешь не поразить живые, насмешливые, с озорной лукавинкой глаза. Глаза, принадлежащие только этому человеку — Серады Кожамкулову, удивительному артисту, обаятельному собеседнику, непревзойденному рассказчику.

Тогда, на снимке, ему не было и тридцати.

Теперь, когда годы вплотную приблизились к восьмидесяти, у Серады, Серке-ага, как его почтительно называют друзья и бесчисленные знакомые, сохранился тот же взгляд, та же озорная улыбка.

...В эти дни вместе с родным своим театром Серке был в Семипалатинске. Дочь Марьям, узнав о присвоении отцу звания Героя Социалистического Труда, поспешила поздравить его по телефону.

— А что ты волнуешься? Что ты хочешь мне сообщить? — прервал ее спокойным, но с обычной лукавинкой голосом отец.

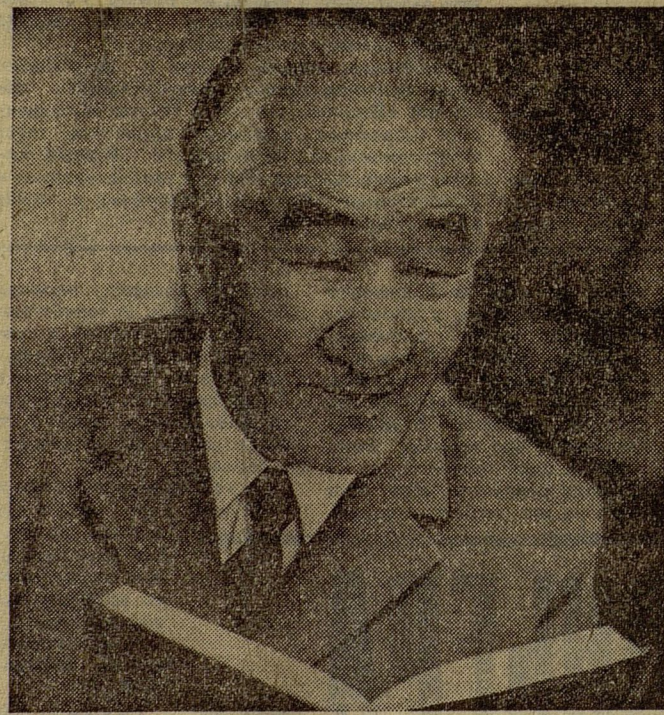
— Папа, ты ведь Герой теперь! Тебя наградили орденом Ленина и Золотой медалью.

— Опоздала, доченька. На суюнши не рассчитывай. Я уже все знаю.

И только тут Марьям услышала оживленные возгласы в комнате отца.

Неукротимый оптимизм, веселую энергию Серады Кожамкулова пронесит через всю свою жизнь, от спектакля к спектаклю, от десятилетия к десятилетию.

В книге Н. Анова «На литературных перекрестках» приводится

рассказ поэта-импровизатора Исы Байзакова:

«Если бы ты видел, как он играет старух. Ни один человек не подумает, что это переодетый джигит. Однажды наш Серке вышел после спектакля, и зрители обступили его. — Где же злая старуха, почему она не выходит? — Ей стыдно за свою злость, — ответил Серке. — Она убежала и легла спать...»

Как он начинался, как вырастал, один из любимейших артистов народа, создатель многих великолепных образов на сцене Казахского академического театра драмы и в кино?

Исток его биографии — на границе кустанайских степей и Приуралья. Аул № 13, затерявшийся среди колков — березовых перелесков. Большая семья

Кожамкула. Обыкновенное детство, когда пастушеские забавы соединялись с горькой необходимостью работать с малых лет. И неосознанная вначале мечта об учении. И первый решительный поступок — бегство из дома в город Троицк, в сущности небольшой торговый городок, представлявший сказочно громадным и сказочно чудесным. Однако в русско-киргизскую, как говорили тогда, школу Серады не приняли: он был уже переростком. Дальний родственник дядя Юсуф помог ему поступить в медресе — мусульманскую школу. И этот же дядя нарушил строгий запрет мoulлы и привел подрост-

ка в театр, если только можно было назвать театром татарский любительский кружок. Суфлируя дяде Юсуфу, наблюдая за доморожденными актерами, Серады неожиданно понял, что сцена и есть его призвание. Играть ему пришлось несколько позднее и в обстановке, скажем прямо, необычной.

В гражданскую войну Серке стал бойцом в отряде чрезвычайного комиссара Степного края Алибия Джангильдина. Отряд сражался и винтовками, и словом. На агитконцертах острое слово разило баев и белогвардейцев.

Стихал огонь гражданской войны. По путевке отряда в

комство в Троицке, но и особенная чуткость Беимбета, распознавшего в застенчивом и мешковатом джигите будущего большого мастера национальной сцены.

В день открытия Первого съезда Советов Казахстана Серке принимал участие в концерте для делегатов. Как обрадовался он, обнаружив среди зрителей своего прославленного командира Алибия!

Года два спустя Серке исполнил в самом большом клубе Оренбурга роль Есметбета в пьесе «Енлик—Кебек», первом пьесе Мухтара Ауэзова, написанной по мотивам народного эпоса. Превосходно играл, по-

был в плееде первых актеров, его зачинателей. Вместе с Елеубаем Умурзаковым, Амре Кашаубаевым, Исой Байзаковым, Калибеком Куанышпаевым, Курманбеком Джандарбековым.

Серке стал не только первым актером, но и первым режиссером. Конечно, многое тогда ему не было известно. Систему Станиславского он изучал уже накануне Отечественной войны. «Моя жизнь в искусстве» стала с той поры его настольной книгой. И опытные русские режиссеры уже только с переводом столицы в Алма-Ату давали ему, как и всему молодому театральному коллективу, свои

Мужал театр, мужал с театром Серке.

Зрела казахская драматургия, одновременно — вначале робко, неуверенно — ставились пьесы классические и современные, переведенные на казахский язык.

Серке искренне огорчался, что лучше всего ему удавались образы ханов, биев, баев, словом — отрицательных персонажей.

— Вы меня вытаскиваете в обоз, — шутил он, — этак я стану музейным экспонатом.

«Музейным экспонатом» Серке не стал. Да если и говорить о героях, символизирующих пережитки прошлого, то и для них необходима четкая боевая позиция актера-современника, актера-гражданина.

Врожденный комический талант помог Серке и в работе над классикой. Почти сорок лет назад на сцене нашего театра режиссер И. Боров поставил «Ревизора». Тогда вокруг этого спектакля в печати разгорелись жаркие споры. Не без оснований автора постановки упрекали в формалистических увлечениях. Хотите верить, хотите нет, но в комнате у городничего висел портрет самого... Николая Васильевича Гоголя. Однако, вопреки всем этим трюкам, зрители волновала реалистическая игра актеров. Серады в роли попенчелы богоугодных заведений превзошел самого себя.

Был в творческой жизни Серке Гоголь. И был Шекспир. Был скупой Карабай в пьесе Габита Мурсепова «Козы-Корпеш и Баян-Слуу», кстати сказать, одна из любимых ролей Кожамкулова.

Но были и есть и такие чудесные скромные люди, как кузнец Бекет, соратник бесстрашного Амангельды в одноименной киноленте. И мудрый крестьянин в «Звезде Вьетнама». И литературский рабочий Коробов, собеседник и соратник Ильича в пьесе «Ленин в 1918 году», поставленной к столетию со дня

рождения нашего великого вождя.

Серке находится в своей родной стихии, когда лепит образы простых и многоопытных людей из народа, наделенных живостью ума, добротой, трудолюбием и, конечно же, юмором — неистощимым, лукавым и светлым. Он и сам, наш Серке, мог бы стать прототипом такого героя.

Нельзя не любить его пластичные, сдержанные жесты, его неторопливость в суждениях, его лукавинку в глазах. Таков он в жизни, таков и на сцене.

Больше ста пятидесяти ролей в театре, около двадцати фильмов, в том числе снятых и в других республиках.

...В скромной квартире Серке я видел фото и скульптуры его соратников — Джамбула, нежно относившегося к артисту, Калибека Куанышпаева, друга долгих лет, всегда молодого Амре Кашаубаева. Когда появились пластинки с уникальными записями песен талантливого певца и артиста, Серке закупила несколько десятков и щедро раздавал родственникам и друзьям. То, что звучит ныне на магнитофоне, он слышал в степи, в дороге, на первых концертах театра.

Народный артист Казахской ССР Серады Кожамкулов оказался трижды первым: как артист театра, как его первый режиссер, как первый среди артистов академического театра драмы Герой Социалистического Труда.

Конечно, Серке передает свой опыт молодым, но и сам продолжает учиться у коллектива. Редкий случай, когда наставник-театр младше своего «ученика» на целых тридцать лет.

Алексей БРАГИН.
г. АЛМА-АТА.

МАСТЕРА СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА ТРИЖДЫ ПЕРВЫЙ

1920 году Серке направили учиться в Оренбург, Орынбор, первую столицу молодой Казахской республики. Он поступил в Татарский восточный педагогический институт.

Серке сразу погрузился в непередаваемую кипучую атмосферу. Театральные кружки, литературные споры, новые встречи, переросшие в дружбу на всю жизнь.

Так, он часто бывал в доме Беимбета Майлина. С этим выдающимся самобытным драматургом и писателем Серке связывало не только давнее зна-

свидетельство Сабита Муканова, который сам в этом спектакле исполнял роль Кебея.

Потом они вместе читали газету «Энбекиши-казах», где была опубликована рецензия. В ней очень одобрительно говорилось и об игре Серке, и об игре Сабита.

Читатель обратил, вероятно, внимание, что пьеса «Енлик — Кебек» была поставлена в клубе Казахского театра тогда еще не существовало.

Он создавался позднее, в Кызыл-Орде, второй столице республики. И Серке, естественно,

поучительные уроки много позднее.

Но это уже был профессиональный театр. Правда, стационарным театром в нынешнем смысле слова назвать его можно только с большой натяжкой. Театр чаще бывал в пути, не жели дома.

В репертуаре театра наряду с «Енлик — Кебек» и «Айман — Шолпан» значительно место занимали и боевые агитки с коротким сроком жизни — один сезон. Но именно в этом конкретном сезоне они были необходимы, как воздух и хлеб.